

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 316.7(476)

ГРНТИ 03.61.21: Историческая антропология

DOI 10.35231/25419501_2020_4_35

И.С. Маховская

Белорусское местечко как социокультурный феномен

Местечки, известные на территории Беларуси начиная с XIV в., представляют собой особый социокультурный феномен, сыгравший важную роль в истории. Возникшие как торгово-посреднические центры, местечки сочетали черты городского и сельского поселений, основные занятия населения также включали как характерные городские, так и сельские направления деятельности. Для местечек характерна полиэтничная и поликонфессиональная среда. Вследствие насильственного выселения евреев из сельских поселений самыми крупными общинами местечек были еврейские, которые во много определили типичные характеристики местечка. Кроме белорусской и еврейской общин в местечках зачастую проживали польская и татарская. Типичная застройка местечка включает торговую площадь как планировочный центр, вокруг которой находились культовые сооружения: костел, церковь, синагога, получившие название «белорусский треугольник». Феномен местечка заключается в организации пространства взаимодействия разных этноконфессиональных групп в рамках малого социума.

Ключевые слова: Беларусь, местечко, Мир, штетл, история Беларуси, устная история, поликультурность, национальные меньшинства, белорусы, евреи, поляки, татары.

Irina S. Makhovskaya

Belarusian little town as a socio-cultural phenomenon

The little towns, known on the territory of Belarus since the XIV century, represent a special socio-cultural phenomenon that played an important role in history. Little towns, which emerged as trade and intermediary centers, combined the features of urban and rural settlements. Main occupations of the population also included both typical urban and rural areas of activity. The characteristics of little towns is multi-ethnic and multi-confessional environment. Due to the forcible eviction of Jews from their rural settlements, the largest communities of the townships were Jewish, which mostly determined the typical characteristics of the town. In addition to the Belarusian and Jewish communities, Polish and Tatar communities often lived in the little towns. Typical development of the town includes a trading square as a planning center around which there were religious buildings: a catholic church, an orthodox church, a synagogue, called the "Belarusian triangle". The phenomenon of the little town consists in organizing the space of interaction between different ethno-confessional groups within the framework of a small society.

© Маховская И.С., 2020

© Makhovskaya Irina S., 2020

Key words: Belarus, little town, Mir, shtetl, history of Belarus, oral history, multiculturalism, national minorities, Belarusians, Jews, Poles, Tatars.

Местечки как поселения известны на территории Беларуси с XIV–XV вв. Слово «местечко» является уменьшительной формой от общеславянского «место» (город). Возникают они, как правило, на месте торгов неподалеку от великокняжеских или иных частновладельческих усадеб, исполняя роль торгово-посреднических центров между городом и деревней. Самые древние местечки были образованы рядом с замками (Иказнь, основана в 1504 г.), монастырями (Жировичи, основаны в 1643 г.), а также на перекрестках торговых путей на месте бывших деревень [1, с. 97].

Торговля всегда была определяющим фактором развития местечка, но лишь этим роль его не ограничивалась, связующая, объединяющая функция прослеживается буквально во всех аспектах его жизнедеятельности. Это не город в полной мере, но и не деревня, в местечке сочетаются городской и сельский быт. Проблема определения понятия «местечко» занимает значительное место в исследованиях, в качестве ключевых рассматриваются различные характеристики. В первую очередь отмечают такие отличия местечка от города, как меньшее количество населения, упрощенная социальная структура. От деревни местечко отличается наличием стационарной торговли, планировка и застройка поселения более сложная и разнообразная, административно местечко имеет более высокий статус [2, с. 251]. При том что значительное количество населения занято в сельском хозяйстве, в целом местечко характеризуется большим, чем в деревне, разнообразием сферы занятости. Здесь представлены ремесло, торговля, посредническая деятельность [3, с. 43]. Многие исследователи относят местечко к категории городов, подчеркивая лишь их небольшой размер – не более 300 дымов [4, с. 9].

Одна из определяющих черт местечка – полиэтничность и поликонфессиональность населения. Привязка культовых объектов к планировочному ядру местечка – торговой площади – получила название «белорусский треугольник»: церковь – костел – синагога, к которым в некоторых местечках добавлялись также мечеть или кирха. В белорусских местечках сложились как минимум две культурные среды – еврейская и белорусская, к которым во многих местечках еще прибавлялись польская и татарская [5, с. 5; 3, с. 43; 6, с. 197].

Крайне важна посредническая роль местечка, они выполняли функцию контактной зоны для крестьян из ближайших деревень, населения самого местечка и торговцев из других городов. Вместе с тем местечки играли роль ремесленного, а то и промышленного центра округи, выполняли не только торговые функции, но и административные, образовательные, культурные и религиозные [5, с. 45; 7, с. 34].

Подытоживая подходы к определению, известная исследовательница местечек Беларуси Инна Соркина предлагает следующее: «Местечки целесообразно рассматривать как отдельный тип поселений, нетождественных ни деревне, ни городу, который исполнял функции экономического, административного, коммуникативного, культурного центра сравнительно небольших сельских районов, которые, как правило, не имели городов. Местечки органично сочетали черты и сельских, и городских поселений. Это проявлялось в хозяйственных занятиях, структуре населения, архитектуре.... Специфика местечек во много определялась этим пересечением города и деревни» [5, с. 46].

В литературе, живописи, а нередко и исторических исследованиях местечку была уготована роль утраченного рая, прекрасного места, где все жили в мире и согласии, и откуда родом приписываемые белорусам толерантность, рассудительность и терпимость. В известной мере такая идиллическая картина является результатом мифологизации образа местечка. Но в любом случае местечки представляют огромный исследовательский интерес как социокультурный феномен, сыгравший важную роль в истории Беларуси. Колорит и особый образ жизни маленького городка, где все были знакомы друг с другом, тесно взаимодействовали в повседневной жизни, представляя при этом пеструю поликультурную и поликонфессиональную среду, неизменно привлекает внимание историков, антропологов, писателей, художников и музыкантов.

Особенности белорусского местечка как социокультурного феномена будут рассмотрены на примере местечка Мир, который стал объектом устноисторического исследования, проведенного автором совместно с И. Романовой в 2003–2005 гг. Исследовательский фокус был максимально широкий, так как нас интересовало все, что миряне помнят об истории местечка, а также как они помнят и как презентуют эту историю. В качестве основного метода использовалось биографическое (лейтмотивное и нарративное) полуструктурированное интервью. В ходе исследования были записаны 85 интервью с жителями Мира

1910–1930-х гг. рождения. Результаты исследования были изложены в книге «Мир: история местечка, рассказанная его жителями» [8]. В данной статье использованы воспоминания, относящиеся к 20–30 гг. XX в., частично вошедшие в книгу, а также ранее не публиковавшиеся.

Первое упоминание Мира в письменных источниках относится к 1396 г., когда он был сожжен крестоносцами. С 1486 г. Мир, как частное владение, переходит к роду Ильиничей, которые в 1510–1520-е гг. возводят замок, который и поныне обеспечивает Миру широкую известность и популярность в качестве туристской дестинации¹. В 1568 г. Мир переходит во владения князей Радзивиллов, затем в 1829 г. становится собственностью рода Витгенштейнов, а в 1891 г. Мирский замок и усадьбу приобрели князья Святополк-Мирские, которые владели им до прихода советской власти в 1939 г. [8, с. 57; 9].

История Мира в XX в. – это история многократной смены власти. На момент начала XX в. Мир входил в состав Российской империи вследствие разделов Речи Посполитой. По условиям Рижского мирного договора Мир отошел к Польше в 1921 г. 17 сентября 1939 г. Мир был занят советскими войсками (местные жители называют период 1939–1941 «первые Советы»). 27 июня 1941 г. Мир был захвачен немецкими войсками и находился под властью Германии до освобождения 7 июля 1944 г. С этого момента – центр Мирского района Барановичской области БССР, с 1956 г. – вошел в состав Кареличского района Гродненской области БССР, с 1991 г. – Республики Беларусь. О жизни в Мире в XX в. ёмко выразилась одна из наших информанток: «Жили при Польше, пришли русские, потом – немцы, потом – русские. Все это надо было пережить» [10].

Среди различных национальных общин местечек самыми крупными были еврейские. Евреи-ашкеназы переселяются на земли Речи Посполитой с XV–XVI вв., но среди местечкового населения их доля первоначально была незначительной. В XVII в., особенно после войны между Россией и Речью Посполитой 1654–1667 гг., в которой было уничтожено более половины городского населения [11, с. 130], активизируется приток евреев прежде всего в частновладельческие города, где еврейским общинам обещались безопасность, сохранность имущества, свобода торговли, религии и самоуправления [12].

¹ В 2000 г. замок был включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

После разделов Речи Посполитой происходит окончательная кристаллизация социокультурной модели местечка. В 1791–1794 гг. определяются территории «черты еврейской оседлости», восточнее которых евреям запрещалось селиться. Восточная граница территорий совпадала с границей белорусских губерний. Дальнейшая политика царского правительства была направлена на вытеснение еврейского населения из сельских поселений, что оказало мощнейшее влияние на развитие местечек. Законодательно выселение евреев из деревень было закреплено в 1804 г. «Положением о евреях», в котором последним запрещалось арендовать шинки, кабаки и постоялые дворы в деревнях и продавать там вино. Также запрещалось жить в деревнях «под каким бы то видом ни было, разве проездом» [цит. по 5, с. 72]. В результате количество городского населения в границах современной Беларуси возросло за 1786–1885 гг. в 7,5 раз. В конце XIX в. в 44 городах Беларуси евреи составляли 53,5 % [13].

Одним из результатов Положения стал рост количества местечек. Крупные землевладельцы Речи Посполитой могли основывать местечки без отдельного разрешения верховных властей еще с конца XVI в., и царское правительство не вмешивалось в существовавшее правило, признавая местечками все поселения, претендовавшие на это звание. А в 1810 г. выходит указ Сената, согласно которому помещики могут переводить свои сёла и деревни в статус местечек для торговли вином, что было запрещено в деревнях. Для перевода достаточно было разрешения губернатора [14, с. 18–19, 5, с. 53]. В результате в губернские администрации была подана масса прошений о переводе сел в местечки, иногда в весьма своеобразные. Так, в 1825 г. было основано местечко Мальта Режицкого уезда Витебской губернии. Во время осмотра губернатором региона было обнаружено, что в этом местечке всего три здания: корчма и две бани [5, с. 53].

Преобразования сел в местечки использовались помещиками как способ сохранить возле себя еврейское население и доходы от аренды и посреднических услуг. Несмотря на предписываемую губернским властям строгость и разборчивость в процессе выдачи разрешений на перевод, статистические материалы по Виленской губернии за 1861 г. свидетельствуют, что из 189 зарегистрированных местечек только девять соответствовали статусу местечка, остальные были не более чем деревнями, заселенными евреями [15, с. 704].

Следствием насильственного выселения евреев из сельской местности стала большая концентрация их в городах и местечках, что приводило к значительной скученности, росту конкуренции и обеднению населения. В то же время концентрация евреев в городах и местечках способствовала консервации здесь еврейской традиционной культуры и образа жизни. Местечки были не просто населенными пунктами, характер, особый стиль жизни их определяла еврейская община, жившая замкнуто своим миром по законам Галахи. Община непосредственным образом влияла на жизнь каждого своего члена, проповедуя идишкэйт (традиционные еврейские ценности) и меншлихкэйт (гуманность) [12]. Образ жизни, обычаи и традиции, в целом еврейская культура, ассоциируются в первую очередь с местечком или штетлом, который рассматривается как натуральная еврейская среда обитания, как типично еврейский городок.

И в научной, и в художественной литературе складывается ностальгический дискурс в отношении штетла как некоего заповедного ландшафта [16, с. 34], замкнутого и самодостаточного еврейского микроскопа [17], малой еврейской родины, своего рода «Израиля в изгнании» [5], метонимического хронотопа утерянного мира ашкеназских евреев [18]. Термин «штетл» был введен в широкий оборот работой Э. Герцог и М. Зборовского «Жизнь с народом», где изображается картина идеального места, исключительно еврейская «натуральная среда обитания» [19].

Понятия «штетл» и «местечко» нередко используются как синонимы, что не совсем верно, так как в этом случае игнорируется белорусская, польская, литовская или украинская составляющая местечек. На самом деле местечек с чисто еврейским населением было крайне мало, на территории Беларуси это местечко Захарино Мстиславского уезда. В то же время были местечки, в которых вовсе не было еврейского населения, например, м. Греск, здесь в первой половине XIX в. не было зафиксировано ни одного еврейского двора [5, с. 47]. В современной историографии штетл рассматривается не как изолированная среда, а как зона, связывающая евреев с христианами и евреев с евреями, зона интенсивных межэтнических и межрелигиозных контактов [17]. Инна Соркина предлагает рассматривать штетл как «еврейское физическое и духовное пространство в белорусском (польском, украинском, литовском) местечке», а наличие штетла называет главной особенностью белорусского местечка [5, с. 48].

Основная роль местечек как центров местной торговли и важных коммуникативных транспортных узлов сказывалась не только на характере занятий населения, их планировка и застройка также наилучшим способом соответствовала этой роли. Градостроительная основа местечек Беларуси соответствует западноевропейской. В особенности это касается местечек Западной Беларуси, в Восточной – застройка местечек была ближе к сельской [20, с. 137].

Планировочным ядром местечковой застройки была рыночная площадь, что является характерной чертой европейских средневековых городов. Рыночная площадь, чаще всего прямоугольная или квадратная, была центром, вокруг которого сосредотачивались торговые объекты (торговые ряды, магазины, лабазы, склады), культовые сооружения (синагоги, костел, церковь, мечеть), административные здания, а также гостиные двory, корчмы и рестораны. По периметру площадь застраивалась жилыми домами, причем, как правило, центр местечка был местом компактного расселения евреев, что также обеспечивало своеобразие местечкового архитектурного облика. Еврейские дома отличались от белорусских как размером, так и планировкой, материалом изготовления. В м. Мир на рыночной площади находились магазины, расположенные в два ряда, вокруг площади были возведены костел св. Николая, Троицкая церковь, и комплекс зданий Синагогального двора: холодная и теплая синагоги, школа, иешива и кагальные постройки, неподалеку находилась татарская мечеть.

Планировка Мира имела радиально-веерный характер, и уличная система была связана с дорогами, ведущими в крупные города. Назывались улицы в соответствии с направлениями: Слонимская, Виленская, Несвижская и Минская. Городская планировка является выразительной особенностью местечек: она складывается в соответствии с путями сообщения, что обеспечивает удобство торговцам и путешественникам и содействует реализации посреднической функции местечка и его функционированию в качестве транспортного узла.

Многие местечки именно как транспортные узлы и были основаны [5, с. 98]. Как правило, эта сфера деятельности была в ведении еврейской части населения. В Мире в 20–30 гг. XX в. было налажено регулярное автобусное сообщение с ближайшими городами. Автобусы принадлежали братьям Кравец. Наш информант вспоминает, как его отец выполнял заказ по обивке сидений мирского автобуса: «Тут автобуса

уже два было, двух евреев. Возили в Городею, в Новогрудок. Двух братьев автобусы. [...] Каждый день ходили, как сейчас маршрутный автобус. [Не знаю] дорого ли, мне не приходилось. При Польше, это еще в году где-то 1930-м. [...] Они узнали, что отец занимается этим делом, так они, чтобы автобус не стоял долго, потому что это ж, знаете, для них заработок, и срывает линию. Так он что, фамилия его Кравец, заключили договор таки с отцом: за пять дней чтобы ты все сидения нам обобил. И он, бедняга, всю ночь не спал, не ел. А я больной был на корь, это ж тогда корью болели дети. А меня завесили, отгородили, а он ночью стучит. Так он: сынок, ты уже прости меня, я тебе куплю что-нибудь в подарок. Я уже молчу: деньги – 100 злотых за тые сидения, это корова, за пять дней! Корову заработал. И он мне потом ножик, перочинный ножик. И я с тех пор, и в армии был, и на фронте был, и у меня всегда ножик в кармане, всегда. Я и теперь. Ну, не этот ножик, а уже другой. А я всегда ношу с собой ножик. Вот что-нибудь надо, а в кармане есть. Вот это мне в памяти осталась» [21].

В основном транспорт был гужевой. Евреи-балаголы держали лошадей для доставки грузов из Мира на ближайшую железнодорожную станцию Городея, а также в другие населенные пункты. На лошадях также доставляли в Городею спирт, изготовленный на Мирском спирт-заводе. Роль местечка как транспортного узла стимулировала развитие сопутствующих услуг: постоянных дворов, корчем, ресторанов, ремонт транспортных средств и т. д. В Мире был постоянный двор, несколько гостиниц и целых пять ресторанов [8, с. 23].

Главным фактором возникновения местечек, определившим их внешний облик и влиявшим на само содержание этого особого социокультурного феномена, была торговля. Она реализовывалась в нескольких формах: стационарной и периодической. Основной формой, определявшей специфику местечка, была именно периодическая торговля: еженедельные базары и ярмарки, которые проходили несколько раз в год. На базарах, которые проходили каждую неделю (в Мире по понедельникам), торговали продуктами, ремесленными товарами. Мир особенно славился гончарными изделиями. Эта форма торговли обеспечивала потребности прежде всего населения местечка и близлежащих деревень.

Ярмарки проходили реже, несколько раз в год, это было событие гораздо более широкого, межрегионального, а нередко международного масштаба. Мир, как и ряд других местечек Беларуси, был широко известен конскими ярмарками. По сведениям за 1833 г., в Мире проходило восемь ярмарок в год [9]. В XX в. до Второй мировой войны было три ярмарки в год, они были приурочены к дню св. Дмитрия 26 октября (8 ноября) и дням св. Николая 9 (22) мая и 6 (19) декабря. На ярмарках торговали лошадьми, а также другими животными: коровами, овцами, свиньями и т. д. Здесь же продавали выделанные кожи, сбрую для лошадей. Наши информанты вспоминают, что на ярмарку приезжали представители польского правительства закупать лошадей для армии. А одну из сельскохозяйственных выставок, которые приурочивались к ярмаркам, посетил президент Польши Игнаций Мосцицкий [21]. Мир славился не только конским базаром, но и конокрадством. Александр Ельский описывает Мир второй половины XIX в. как гнездо отлично организованных конских воров. По его свидетельству, в мирском костеле св. Николая была икона св. Антония, опекуна потерянных вещей. И вся икона была увешана серебряными дарами в виде лошадей [22, с. 289]. По свидетельству очевидцев, в 30-е гг. XX в. с ярмарочными ворами полиция вполне справлялась: *«Было 2 злодзее¹: Тармола и еще [один] – карманники. Полиция приезжала за ними до кирмаша², забирала их и садила в каталажку до тех пор, пока кирмаш не закончится»* [23].

На ярмарках и базарах не только совершались торговые операции, здесь происходили деловые встречи, заключались договоры, к ярмаркам приурочивали проезд в местечко артисты, демонстрировались батлейки и райки, цыгане водили дрессированных медведей, разыгрывались лотереи и т. д. [24, с. 79–89]. Ярмарки были неким прообразом современных торговых центров, где сочетаются деловая и развлекательная среда. Вот как вспоминал один из наших информантов о базарах 30-х гг. XX в.: *«Мой отец надевал парадный костюм и шел на базар. Там он встречался со всеми друзьями и знакомыми, решал все важные вопросы»* [23].

Постепенно все большую роль начинала играть стационарная торговля. В 20–30 гг. XX в. в Мире было более сотни магазинов, что для

¹ Вора.

² Ярмарки.

местечка с населением около 5,5 тыс. чел. весьма немало. В основном это были небольшие лавочки, которые стояли в два ряда на рыночной площади и на примыкающих к ней улицах. Магазины в абсолютном большинстве принадлежали евреям, исключение составлял польский кооперативный магазин и обувной магазин, принадлежащий белорусу Бируле.

В памяти информантов ассортимент товаров, которые продавались в лавках, был поистине неисчерпаем. В первую очередь это были продукты и товары первой необходимости. Но если нужен был какой-то крупный товар, например, швейная машина или велосипед определенной марки, то можно было оставить заказ, и владелец магазина доставлял товар. Богатство выбора товаров в магазинах Мира описал этнограф Владислав Сырокомля. Он отмечал, что известность Мира как рая изобилия стала устойчивым выражением. Если про девушку, которая собралась замуж, говорили: «Поехала уже в Мир», это означало, что она начинает готовить себе приданое. Сырокомля обращал внимание на то, что смысл этой фразы был хорошо известен даже в местах, весьма от Мира отдаленных [25, с. 207].

Население Мира, как и других местечек, было многонациональным. Здесь проживали евреи, белорусы, поляки, татары, а в XVIII – начале XIX в. за Миром была закреплена слава цыганской столицы [26, с. 89]. Татарское население в регионе фиксируется с конца XIV в., а с конца XV – начала XVI – еврейское. Феномен местечка проявляется в организации единого социального и экономического пространства вполне комфортного сосуществования различных этносов, культур и религий в рамках небольшого сообщества, где фактически все друг с другом были знакомы.

Сотрудничеству и мирному сосуществованию во многом содействовало отсутствие экономической конкуренции вследствие разделения сфер деятельности между разными этническими группами. Христианское население – белорусы и поляки – были заняты в основном в сельском хозяйстве и ремесле, в первую очередь гончарном. Татары занимались огородничеством и выделкой кож. Торговое предпринимательство, посредническая деятельность, корчмарство, ремесло, транспорт было полем деятельности евреев.

Такая специализация обеспечивала не только отсутствие конкуренции, но и обязательное сотрудничество между этническими группами, так как профессиональная структура содействовала экономическим контактам и взаимодействию. Змитрок Бядуля о белорусах и евреях написал: «Соседство этих двух наций создало такие жизненные и экономические связи, в которых одна нация без другой не могла обойтись» [27, с. 24]. Взаимоотношения между представителями разных этнических групп характеризовались высокой степенью толерантности, хотя это далеко не всегда означало тесное общение или близкую дружбу. Дистанция между разными группами была различной, но она всегда присутствовала.

Наиболее сложной в сочетании контакта/дистанцирования была еврейская община. С одной стороны, поскольку в руках евреев была сконцентрирована торговля, в значительной мере – ремесло, полностью – медицинская сфера, то формальные повседневные контакты евреев с другими группами были неизбежны. Но сфера частной жизни была максимально закрытой от других групп.

В нашем исследовании мы смогли записать воспоминания о довоенном Мире только с точки зрения белорусов, поляков и татар. Евреев, которых было 3,3 тыс. чел. в 1939 г., после Второй мировой войны осталось только 40, а к концу XX в. не было ни одного. Но по Миру, в отличие от большинства местечек, существует довольно много источников эпистолярного и мемуарного жанра. В Мире до 1939 г. функционировала одна из самых знаменитых в Восточной Европе иешив, куда приезжали для получения образования студенты из самых разных стран: Англии, Голландии, Германии, США, Канады и др. Сохранились письма студентов-ешиботников своим родственникам, где они описывают повседневную жизнь в Мире, воспоминания студентов и раввинов, интересным источником является книга Рухомы Шайн «Все для босса», где от имени жены раввина описывается Мир в главе «Город из пяти улиц» [28–32]. Если бы в распоряжении историков были только эти документы, можно было бы и не догадаться, что 40 % населения Мира было нееврейским, настолько вся жизнь, не только религиозная, но и бытовая, сфера повседневной коммуникации была ограничена общиной.

Со стороны нееврейского населения картина наблюдается аналогичная. Наши информанты вспоминают, какими прекрасными были евреи продавцами, как вежливо обслуживали в магазинах и как умело

предлагали товар. Рассказывают, что у евреев можно было одолжить деньги или как сосед еврей пришел на помощь, когда сгорел дом, предложил взять у него стройматериалы бесплатно с перспективой отдать, когда сможешь [33]. Но в частной жизни контактов было немного. Вот что, например, вспоминала Юзефа Б.: «Евреев любить не любили, но жили дружно. Мы жили вместе с евреями в одном доме. В тыльной части жили евреи, в передней – мы. Отпускал нам квартиры татарин. Не было вражды, злобы. Каждый занимался своим делом. Еврей был раввином. [...] У него не было приязни к нам. Он детей к нам не пускал. [...] Они – себе, мы – себе» [34]. Несколько раз мы столкнулись с ситуацией, когда информанты, рассматривая школьные фотографии и рассказывая об одноклассниках, вспоминают имена белорусов, поляков и татар, но далеко не всегда евреев.

Более близкие неформальные отношения были между белорусами и татарами. Здесь нужно принимать во внимание сходные сферы деятельности. Белорусы занимались в основном сельским хозяйством, и татары в большинстве своем были огородниками. И если про евреев могли сказать: «Они не работали, а только торговали», то про татар-огородников говорили, что «работали как пчелки с ранней весны до поздней осени» и «с огорода целый год не вылезали». Несмотря на разные религии, встречались смешанные белорусско-татарские семьи. И в целом было довольно много рассказов о совместном времяпрепровождении, взаимном угощении на праздники и т. д. Юзефа Б. вспоминала: «С татарами хорошие отношения были. Танзилька, Котловская Мария и мама моя соберутся на лавочке и папироску дружно курят. [...] Жили все дружно» [34].

Инна Соркина, анализируя особенности межнациональных отношений в белорусских местечках, отмечала: «Существенным фактором ежедневных межэтнических отношений в местечках было то, что из-за небольших размеров все местечковые жители знали друг друга, что было невозможным в городе. Отсутствие анонимности большого города содействовало тому, что частная жизнь в местечке была у всех на глазах. Взаимоотношения между представителями разных этноконфессиональных групп населения в местечках характеризуются достаточно высокой степенью толерантности. Их можно выразить формулой «другой свой». Именно определение «тутэйшай свойскасці», «тутэйшасці»

оберегало от конфликтов. В условиях такого нетолерантного государства, которым была Российская империя, местечки демонстрировали сохранение местных традиций самоуправления на принципах религиозной толерантности и конструктивной мультиэтничности» [5, с. 226].

Местечко как особый тип поселения и как социокультурный феномен просуществовало в Западной Беларуси до начала Второй мировой войны. В холокосте были уничтожены еврейские общины, после войны в местечки активно переселялись жители окрестных деревень. Оказавшись под властью СССР, местечки прошли через отмену частной собственности, насильственную коллективизацию, массовые высылки, в результате чего их социальный и культурный облик трансформировался. В результате административных реформ часть местечек обрело статус городов, районных центров, часть – городских поселков или деревень. Ныне понятие «местечко» в административном делении Беларуси отсутствует.

Местечки – это социальное, экономическое и культурное пространство взаимодействия разных народов, культур, религий, сфер деятельности, образов жизни и традиций. Феномен местечка реализовался в организации социокультурной среды, в которой, с одной стороны, обеспечивалось функционирование и развитие этноконфессиональных культур, а с другой – их активное взаимодействие во внешней среде. Фактором, положительно влиявшим на уровень толерантности и терпимости в мультикультурном обществе, была специализация этноконфессиональных групп в разных областях экономической деятельности, что не создавало конкурентного напряжения между ними. Специфика местечка проявлялась в том, что амбивалентные процессы дистанцирования и взаимодействия происходили в рамках очень небольших сообществ, где фактически все были друг с другом знакомы. Отсутствие анонимности, характерной для больших городов, также служило фактором, влияющим на стремление к выстраиванию отношений сотрудничества и взаимодействия.

Список литературы

1. Этналогія Беларусі: традыцыйная культура насельніцтва ў гістарычнай перспектыве / Т.А.Наваградскі [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2009. – 335 с.
2. Лакотка А. Мясцэчка // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 5. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1999. – С. 251.

3. Аляксандраў Г. Праграма вывучэння мястэчка // Наш край. – 1928. – № 2 (29). – С. 45–53.
4. Грицкевич А.П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. – Минск: Наука и техника, 1975. – 248 с.
5. Соркіна І. Мястэчкі Беларусі ў канцы XVIII -першай палове XIX ст. – Вільня: Еўрапейскі гуманітарны ўніверсітэт, 2010. – 488 с.
6. Шыбека З. Гарады Беларусі: (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў). – Мінск: ЭўроФорум, 1997. – 292 с.
7. Углік І.Р. Камунікацыйная функцыя мястэчак цэнтральнай Беларусі ў інтэграцыйных працэсах на беларускіх землях у дарэвалюцыйны перыяд // Быт і культура беларусаў: Тэзісы дакладаў навук. канф. – Мінск: АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору, 1984. – С. 34–35.
8. Раманава І., Махоўская І. Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары. – Вільня: Еўрапейскі гуманітарны ўніверсітэт, 2009. – 247 с.
9. Shtetl Routs. Мир – карта историко-культурного наследия [Электронный ресурс]. – URL: <http://shtetlroutes.eu/ru/mir-cultural-heritage-card/> (дата обращения: 11.12.2020).
10. Интервью с Лидией Ш., 1923 г. р.
11. Сагановіч Г. Невядомая вайна: 1654–1667. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – 144 с.
12. Школьнікова Э. Трансформация еврейского местечка в СССР в 1930-е гг. – М., 1998. [Электрон. ресурс]. – URL: http://jhist.org/lessons_09/1930.htm (дата обращения: 11.12.2020).
13. Соркина И. Феномен белорусско-еврейской толерантности в местечках Белоруссии XIX – начала XX в. (по материалам мемуаристики) // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга: сб. науч. ст. – М.: Сэфер, 2003. – С. 386–404.
14. Лютый А.М. Социально-экономическое развитие городов в Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в. – Минск: Наука и техника, 1987. – 181 с.
15. Корево А. Материалы для географии и статистики России. Виленская губерния. – СПб., 1861. – 821 с.
16. Соколова А. Еврейские местечки памяти: локализация штетла // Штетл, XXI век: полевые исслед. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2008. – С. 29–64.
17. Крутиков М. Штетл между фантазией и реальностью // НЛО. – 2010. – № 2 [Электрон. ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/shtetl-mezhduefantaziej-i-realnostyu.html> (дата обращения: 11.12.2020).
18. Ялен Д. Так называемое еврейское местечко: штетл, большевистская идеология и советская этнография в межвоенный период // НЛО. – 2010. – № 2 [Электрон. ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/tak-nazyvaemoe-8220-evrejskoe-8221-mestechko-shtetl-bolshevistskaya-ideologiya-i-sovetskaya-etnografiya-v-mezhvoennyj-period.html> (дата обращения: 11.12.2020).
19. Zborowski M., Herzog E. Life Is with People: The Culture of the Shtetl. – New York: Schocken Books, 1995.
20. Лакотка А.І. Нацыянальныя рысы беларускай архітэктуры. – Мінск: Ураджай, 1999. – 366 с.
21. Интервью с Владимиром Л., 1922 г. р.
22. Ельскі А. Выбранае. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2004. – 493 с.
23. Интервью с Серафимом Р., 1934 г. р.
24. Гуд П.А., Гуд Н.І. Беларускі кірмаш. – Мінск: Палымя, 1996. – 270 с.
25. Сыракомля У. Вандроўкі па маіх былых ваколіцах. Успаміны, даследаванні гісторыі і звычаяў. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2010. – 175 с.

26. Шпилевский П.М. Путешествие по Полесью и белорусскому краю. – Минск: Беларусь, 2004. – 251 с.
27. Бядуля Зм. Жыды на Беларусі // ARCHE. – 2000. – № 3 (8). – С. 23–32.
28. Lewis T. Bar mitzvah sermons at Touro Synagogue: National historic site, Newport, Rhode Island [Электрон. ресурс]. – URL: <http://darkwing.uoregon.edu/~rkimble/Mirweb/RememberMir.html> Remembrances of Mir Yeshiva (дата обращения: 11.12.2020).
29. Additional information about houses and food in Mir (1935–1939) in a letter from Rabbi Theodore Lewis, as he remembers his student years [Электронный ресурс]. – URL: <http://darkwing.uoregon.edu/~rkimble/Mirweb/RememberMir2.html> (дата обращения: 11.12.2020).
30. Broyde Judah Memories of Mir [Электронный ресурс]. – URL: <http://darkwing.uoregon.edu/~rkimble/Mirweb/BroydeMemories.html>. (дата обращения: 11.12.2020).
31. Rabbi Gordon, Judah L. Letter from Mir – 1932 [Электронный ресурс]. – URL: <http://darkwing.uoregon.edu/~rkimble/Mirweb/GordonLetter.html> (дата обращения: 11.12.2020).
32. Рухома Шайн. Город из пяти улиц // Все для Босса // Хасидус по-русски [Электрон. ресурс]. – URL: http://www.chassidus.ru/library/vse_dlya_bossa/12.htm (дата доступа: 12.01.2006).
33. Интервью с Галиной М., 1926 г. р.
34. Интервью с Юзефой Б., 1923 г. р.

References

1. *Etnalogiya Belarusi: tradycyjnaya kul'tura naseľnictva u gistorychnaj perspektyve / T.A.Navagrodski [i insh.]* [Ethnology of Belarus: traditional culture of the population in historical perspective]. – Minsk: BDU, 2009. – 335 s.
2. *Lakotka A. Myastechka [Mestechko] // Encykłapedyya gistoryi Belarusi* [Encyclopedia of the history of Belarus]. – Т. 5. – Minsk: Belaruskaya encykłapedyya, 1999. – S. 251.
3. *Alyksandrau G. Pragrama vyvuchennya myastechka [Shtetl Study Program] // Nash kraj [Our region]*. – 1928. – № 2 (29). – S. 45–53.
4. *Grickevich A.P. Chastnovladel'cheskie goroda Belorussii v XVI–XVIII vv.* [Private cities of belarus in the XVI–XVIII centuries]. – Minsk: “Nauka i tekhnika», 1975. – 248 s.
5. *Sorkina I. Myastechki Belarusi u kancy XVIII – pershaj palove XIX st.* [Towns of Belarus in the late XVIII – first half of the XIX century]. – Vil'nya: Eurapejski gumanitarny universitet, 2010. – 488 s.
6. *Shybeka Z. Garady Belarusi: (60-ya gady XIX – pachatak XX stagoddzyau)* [Cities of Belarus: (60s of the XIX-early XX centuries)]. – Minsk: EuroForum, 1997. – 292 s.
7. *Uglik I.R. Kamunikacyjnaya funkcyja myastechak central'naj Belarusi u integracyjnyh pracesah na belaruskich zemlyah u darevalyucyjny peryjad* [Communication function of small towns of central Belarus in integration processes on the Belarusian lands in the pre-revolutionary period] // *Byt i kul'tura belarusau: Tezisy dakładau navuk. kanf.* [Life and culture of Belarusians: theses of reports of sciences. Cant]. – Minsk: AN BSSR, In-t mastactvaznaustva, etnagrafii i fal'kloru, 1984. – S. 34–35.
8. *Ramanava I., Makhouskaya I. Mir: gistoryja myastechka, shto raskazali yago zhyhary* [Mir: the history of the town, what its inhabitants told us]. – Vil'nya: Eurapejski gumanitarny universitet, 2009. – 247 s.
9. Shtetl Routs. *Mir – karta istoriko-kul'turnogo naslediya* [Mir-map of historical and cultural heritage] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://shtetlroutes.eu/ru/mir-cultural-heritage-card/> (data obrashcheniya: 11.12.2020).
10. *Interv'yu s Lidiej Sh.* [Interview with Lydia Sh.], 1923 g.r.

11. Saganovich G. *Nevyadomaya vajna: 1654–1667* [Nevedomaja vine: 1654–1667]. – Minsk: Navuka i tekhnika, 1995. – 144 s.
12. Shkol'nikova E. *Transformaciya evrejskogo mestechka v SSSR v 1930-e gg.* [Transformation of the jewish shtetl in the ussr in the 1930s.] – Moskva, 1998. [Elektronnyj resurs]. URL: http://jhist.org/lessons_09/1930.htm (data obrashcheniya: 11.12.2020)
13. Sorkina I. *Fenomen belorusko-evrejskoj tolerantnosti v mestechkah Belorussii XIX – nachala XX v. (po materialam memuaristiki)* [The phenomenon of Belarusian-Jewish tolerance in the towns of Belarus of the XIX-early XX century (based on the materials of memoiristics)] // *Svoj ili chuzhoj? Evrei i slavyane glazami drug druga: sb. nauch. st.* [Your or someone else's? Jews and Slavs through the eyes of each other: collection of scientific articles]. – M.: Sefer, 2003. – S. 386–404.
14. Lyutyj A.M. *Social'no-ekonomicheskoe razvitie gorodov v Belorussii v konce XVIII – pervoj polovine XIX v.* [Socio-economic development of cities in Belarus at the end of the XVIII – first half of the XIX century]. – Minsk: Nauka i tekhnika, 1987. – 181 s.
15. Korevo A. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii. Vilenskaya guberniya* [Materials for geography and statistics of russia. Vilna province]. – SPb., 1861. – 821 s.
16. Sokolova A. *Evrejskie mestechki pamyati: lokalizaciya shtetla // Shtetl, XXI vek: Polevye issledovaniya.* – SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2008. – S. 29–64.
17. Krutikov M. *Shtetl mezhdru fantaziej i real'nost'yu* [Shtetl between fantasy and reality] // NLO. – 2010. – № 2 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/shtetl-mezhdru-fantaziej-i-realnostyu.html> (data obrashcheniya: 11.12.2020).
18. Yalen D. *"Tak nazyvaemoe "evrejskoe" mestechko": shtetl, bol'shevistskaya ideologiya i sovetskaya etnografiya v mezhdvoennyj period* ["The So-called 'Jewish ' Shtetl": Shtetl, Bolshevik ideology and Soviet Ethnography in the Interwar period] // NLO. – 2010. – № 2 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/tak-nazyvaemoe-8220-evrejskoe-8221-mestechko-shtetl-bolshevistskaya-ideologiya-i-sovetskaya-etnografiya-v-mezhdvoennyj-period.html> (data obrashcheniya: 11.12.2020)
19. Zborowski M., Herzog E. *Life Is with People: The Culture of the Shtetl.* –New York: Schocken Books, 1995.
20. Lakotka, A.I. *Nacyyanal'nyya rysy belaruskaj arhitektury* [National features of belarusian architecture]. – Minsk: Uradzhaj, 1999. – 366 s.
21. *Interv'yu s Vladimirom L.* [Interview with Vladimir L.], 1922 g.r.
22. *El'ski A. Vybranae* [Selected]. – Minsk: Belaruski knigazbor, 2004. 493 s.
23. *Interv'yu s Serafimom R.* [Interview with Seraphim R.], 1934 g.r.
24. Gud P.A., Gud N.I. *Belaruski kirmash.* – Minsk: "Polymya", 1996. – 270 s.
25. Syrakomlya U. *Vandrouki pa maih bylyh vakolicah. Uspaminy, dasledavanni gistoryi i zvychayau* [Traveling through my former neighborhood. Memories, studies of history and customs]. – Minsk: Mastackaya litaratura, 2010. – 175 s.
26. Shpilevskij P.M. *Puteshestvie po Poles'yu i beloruskomu krayu* [Travel to Polesie and the Belarusian territory]. – Minsk: Belarus', 2004. – 251 s.
27. *Byadulya Zm. Zhydy na Belarusi* [The Jews in Belarus] // ARCHE. – 2000. – № 3 (8). – S. 23–32.
28. Lewis T. *Bar mitzvah sermons at Touro Synagogue: National historic site, Newport, Rhode Island* [Elektronnyj resurs]. URL: <http://darkwing.uoregon.edu/~rkimble/Mirweb/RememberMir.html> Remembrances of Mir Yeshiva. (data obrashcheniya: 11.12.2020).
29. *Additional information about houses and food in Mir (1935-1939) in a letter from Rabbi Theodore Lewis, as he remembers his student years* [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://darkwing.uoregon.edu/~rkimble/Mirweb/RememberMir2.html> (data obrashcheniya: 11.12.2020).

30. Broyde, Judah Memories of Mir [Elektronnyj resurs]. URL: <http://darkwing.uoregon.edu/~rkimble/Mirweb/BroydeMemories.html> (data obrashcheniya: 11.12.2020).

31. Rabbi Gordon, Judah L. Letter from Mir – 1932 [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://darkwing.uoregon.edu/~rkimble/Mirweb/GordonLetter.html> (data obrashcheniya: 11.12.2020).

32. *Ruhoma Shajn. Gorod iz pyati ulic // Vse dlya Bossa // Hasidus po-rusски* [A city of five streets // All for the boss / / Hasidus in Russian] [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.chassidus.ru/library/vse_dlya_bossa/12.htm (data dostupa: 12.01.2006).

33. *Interv'yu s Galinoj M., 1926 g.r.* [Interview with Galina M.]

34. *Interv'yu s YUzefoj B., 1923 g.r.* [Interview with Jozefa B.]